

УДК 159.9.316.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2018-3-75-85

ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО, НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОКОЛЕНИЯ «БЭБИ-БУМЕРОВ»

Емельянова Т.П.¹, Белых Т.В.², Шабанова В.Н.²

¹ Институт психологии РАН

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, Российская Федерация

² Техническая академия Росатома

249031, Калужская обл., г. Обнинск, ул. Курчатова, д. 21, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу социально-психологических характеристик представителей поколения «Бэби-бумеров», выявлению групповых различий в их коллективной памяти и особенностях репрезентации настоящего и будущего. Выборка составила 105 респондентов в возрасте от 56 до 70 лет. Блок методик содержал 7 опросников. Результаты показывают, что, несмотря на значительную однородность социально-психологических характеристик представителей поколения «Бэби-бумеров», были обнаружены различные способы конструирования образов настоящего и будущего у приверженцев разных репрезентаций истории страны.

Ключевые слова: образ будущего, коллективная память, поколение «Бэби-бумеров», жизнестойкость.

IMAGES OF THE PAST, PRESENT AND FUTURE AMONG THE REPRESENTATIVES OF THE “BABY-BOOMER” GENERATION

T. Emelyanova¹, T. Belykh², V. Shabanova²

¹ Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

13, Yaroslavskaya ul., Moscow, 129366, Russian Federation

² Rosatom Technical Academy

21, Kurchatova ul., Obninsk, Kaluga region, 249031, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of the socio-psychological characteristics of the representatives of the “Baby-Boomer” generation, the identification of group differences in their collective memory and the features of the present and future representations. The sample consisted of 105 respondents aged from 56 to 70 years. The block of techniques contained 7 questionnaires. The results show that despite the considerable homogeneity of the socio-psychological characteristics of the representatives of the “Baby-Boomer” generation, various ways of constructing images of the present and the future among adherents of different representations of the history of the country were discovered.

Key words: image of the future, collective memory, the generation of “Baby-Boomers”, viability.

Связь репрезентаций прошлого и будущего, а также их роль в формировании социально-психологических характеристик поколенческих когорт в настоящем остаются мало изученной проблемой в науке. Между тем разнообразие вариантов репрезентации прошлого страны, множество способов конструирования сценариев будущего не могут не сказываться на современном психологическом состоянии общества в целом и его групп [1]. В контексте образа будущего нами изучались представления о будущем благосостоянии [3], Т.А. Нестиком исследовались механизмы построения образа будущего разными социальными группами [5]. Коллективная память как особый феномен изучается нами уже более 15 лет [2]. Однако связь этих явлений представляется важным источником для понимания особенностей ментальности групп и их социально-психологических свойств.

Коллективная память (понятие, введённое в 20-х гг. М. Хальбваксом) исследуется в социальной психологии преимущественно в контексте актуальных переживаний событий настоящего [10; 12; 13]. Коллективная память, согласно современным трактовкам, представляет собой разделяемые воспоминания об историческом прошлом, пропущенные через призму групповой идентичности, воссозданные с учётом и в контексте сегодняшних интересов и целей группы. Коллективный характер памяти обусловлен, с одной стороны, тем, что коллективные воспоминания конструируются в дискурсивном процессе, т. е. имеют интерсубъективный характер, а с другой стороны, являются атрибутом группы – они разделяются членами этой группы. Согласно

современным представлениям, «коллективная память состоит из разделяемых живых образов, знаний, верований, о коллективном прошлом. Она базируется на устной и неформальной передаче информации и рассказов, которые образуют “профанную историю”. Научная или формальная история питает эти образы прошлого, как наука питает социальные представления» [12, с. 540].

Между тем феномен коллективной памяти, вначале (согласно концепции М. Хальбвакса) понимавшийся как психологическая основа традиции, «цемент», скрепляющий менталитет общества, по итогам исследований последних десятилетий, скорее, предстаёт как «яблоко раздора» в общественном сознании, вызывая «войны памяти». Напрашивается предположение о существовании некоторых устойчивых векторов обыденного политического сознания, которые определяют те или иные трактовки прошлого в коллективной памяти социальных групп. Среди этих векторов можно выделить этатизм / гуманизм, консерватизм / либерализм, авторитаризм / демократизм, глобализм / национализм и др. Исследования показывают, что основной функцией коллективной памяти является поддержание позитивной идентичности группы [12, с. 541]. Это относится прежде всего к поколенческим когортам, особенностям их репрезентации времени.

В целом анализ современного состояния исследований представлений о времени показывает, что наименее изученным предметом являются социально-психологические механизмы связи коллективной памяти с образами будущего и с конструированием

сценариев коллективного будущего. Конструирование образа будущего исследователи также связывают с психологией поколений. Так, было показано, что всплеск националистических движений и ксенофобии среди молодёжи в России 1990–2000-х гг. характеризовался преувеличенно позитивной оценкой прошлого и глубоко пессимистическими, негативно-фаталистическими ожиданиями относительно будущего [5].

Мысль о том, что каждое поколение несёт на себе зримые следы социальных и политических событий эпохи своей юности, высказывал К. Маннгейм [4], вслед за которым в социальных науках сформировалось направление изучения поколенческих феноменов коллективной памяти [9; 10; 11]. Основная гипотеза К. Маннгейма касается того опыта юношеских лет и раннего периода взрослости, который «взят» в будущее с определённой степенью осознанности. Процесс формирования поколения как чего-то уникального и самобытного происходит в юношеские годы. Именно в этот момент у человека формируются собственные взгляды на общественно-политические явления. Характер поколения, сформированный событиями, происходившими во времена юности, оказывает решающее влияние на всю последующую жизнь людей [6, с. 47]. Определение границ поколений («Молчаливое поколение», «Бэби-бумеры», поколения «X», «Y», «Z»), предложенное американскими авторами У. Штраусом (William Strauss) и Н. Хоузом (Neil Howe), было адаптировано в России [8] и получило широкое распространение. В нашем исследовании образов прошлого, настоящего, будущего было выбрано по-

коление, уже достигшее пенсионного возраста, прошедшее основные этапы социализации, в том числе её трудовую стадию, чья юность пришлась на годы хрущёвской «оттепели» и начало брежневского периода в истории страны – поколение «Бэби-бумеров» (1943–1963 гг. рожд.), получившее своё название из-за послевоенного всплеска рождаемости.

Предмет нашего исследования – характеристики ментальности представителей поколения «Бэби-бумеров», включая особенности их коллективной памяти, а также репрезентации настоящего и будущего.

Целью исследования стали выявление социально-психологических характеристик, имеющих отношение к репрезентации исторического времени, у представителей поколения «Бэби-бумеров», обнаружение внутригрупповых различий в их коллективной памяти и особенностей репрезентации настоящего и будущего в выделенных группах.

Задачи исследования:

1. Определить социально-демографические и социально-психологические характеристики представителей поколения «Бэби-бумеров».

2. Выявить образы коллективной памяти респондентов, касающиеся истории России, их предпочтения тех или иных периодов истории и выдающихся личностей.

3. Выделить группы респондентов в соответствии с указанными ими предпочтениями тех или иных периодов истории России, сравнить группы по типичным для них социально-психологическим характеристикам личности и по чертам образов настоящего и будущего России.

Методики. Для анализа черт поколения применялись авторская разработка «Характеристики поколений» (Т.П. Емельянова, Т.В. Дробышева, Т.А. Нестик), тест «Социальные аксиомы» (К. Люн и М. Бонд в адаптации А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой) [7] и краткий тест жизнестойкости (Е.Н. Осин, Е.Н. Рассказова) [6]. С целью изучения структуры ценностных ориентаций была использована методика Е.Б. Фанталовой. Для выявления представлений коллективной памяти о событиях прошлого применялся авторский шкальный опросник «Исторические периоды прошлого, значимые для настоящего». Для анализа особенностей исторического сознания использовались методики «Связь времен», «Оценка прошлого, настоящего и будущего России» (в модификации Т.А. Нестика). Для определения социально-демографических характеристик респондентов им был предложен блок вопросов, касающихся их пола, возраста, уровня образования и субъективного экономического статуса.

В исследовании приняли участие 105 респондентов, среди которых 52 мужчины и 53 женщины в возрасте от 56 до 70 лет. Для решения первой задачи были определены основные социально-демографические характеристики выборки: средний возраст респондентов составляет 58 лет; 74% респондентов имеют высшее образование, 20% – среднее специальное, остальные 6% – общее среднее или неполное среднее. Респонденты оценивали свой уровень материального благосостояния по 7-балльной шкале (где 1 – очень низкий, 7 – очень высокий). 36% оценили его как средний, 27% – выше среднего, 23% – ниже сред-

него, 8% – высокий, 6% – низкий. При этом степень их удовлетворённости своим материальным благосостоянием, которую респонденты оценивали аналогичным образом по 7-балльной шкале, распределяется иначе: только 17% обнаруживают среднюю степень удовлетворённости, удовлетворены им выше среднего 33% и 50% не удовлетворены уровнем своего материального благосостояния, т.е., согласно усреднённым данным, самооценка материального благосостояния респондентов находится немного выше среднего уровня (4,1 балла), а степень их удовлетворённости своим материальным благосостоянием ниже – 3,7 балла.

Социальный портрет представителей поколения «Бэби-бумеров» был дополнен их социально-психологическими характеристиками: в частности, оценками своего поколения (опросник «Характеристики поколений», включавший 27 определений психологических качеств) по 5-ти балльной шкале (анализировались значения по медиане). Так, представители исследуемого поколения считают, что наиболее типичными для них являются такие качества, как активность, терпеливость, оптимизм, работоспособность, жизнелюбие, целеустремлённость, ответственность, гордость, энтузиазм, бережливость, самоотверженность, доверие к людям, принципиальность, ориентация на достижение и чувство долга.

Анализ ценностных ориентаций (ЦО) представителей поколения «Бэби-бумеров» показал, что ядро ценностной структуры составляют ценности здоровья (1 ранг), счастливой семейной жизни (2 ранг), наличие хороших и верных друзей (3 ранг) и цен-

ность активной, деятельной жизни (4 ранг). Высокая значимость активной жизни в сознании респондентов, завершающих или завершивших свою трудовую деятельность, может выполнять функцию совладания с их изменяющимся образом жизни. Кроме того, высокая значимость активной жизни может рассматриваться и как специфичная для представителей этого поколения, чьё детство, подростковый возраст и ранняя юность пришлось на период «оттепели», период политического обновления общества.

Анализ социально-психологических особенностей поколения «Бэби-бумеров» предполагал и изучение уровня жизнестойкости респондентов, включая как общий показатель жизнестойкости, так и три базовых компонента жизнестойкости: вовлечённость, контроль и принятие риска (тест жизнестойкости Е.Н. Осина и Е.Н. Расказовой). Мы исходили из интерпретации этих компонентов авторами: «Вовлечённость – это вера человека в то, что благодаря активному участию в происходящем он может найти в жизни нечто интересное и ценное для себя. Контроль – это убеждение в том, что благодаря собственной активности человек способен влиять на последствия происходящих вокруг него событий. Принятие риска – это убеждение в том, что любой опыт, даже негативный, ценен сам по себе как возможность чему-то научиться, а следовательно, не стоит бояться возможной неудачи. Противоположностью вовлечённости, контроля и принятия риска являются, соответственно, отчуждение (невовлечённость в происходящее), бессилие (неверие в собственные силы) и неуверенность (стремление оставаться в

безопасности путём избегания риска, связанного с осуществлением новых возможностей)» [6, с. 43]. По результатам нашего исследования, в среднем показатель общей жизнестойкости по выборке составляет 24 балла, что свидетельствует о высоком уровне жизнестойкости респондентов. Средние значения по шкалам: вовлечённость – 8,9 баллов, контроль – 7,4 балла, принятие риска – 7,7 балла, что значительно выше средних значений.

Важной для целей нашего исследования социально-психологической характеристикой изучаемого поколения являются их представления о связи прошлого, настоящего и будущего России. С помощью методики «Связь времен» были получены данные о том, как респонденты видят воздействие исторического прошлого на конструирование образа будущего. Респонденты в большинстве своём сходятся в оценке суждений о существовании причинно-следственных связей между различными эпохами в истории России: «Знание истории дает возможность извлечь уроки для будущего», «Не понимая своего прошлого, нельзя построить будущего», «Будущее нашей страны предопределено ее прошлым», но при этом считают будущее России непредсказуемым.

Для решения второй задачи нашего исследования респондентам был предложен ряд вопросов, выявляющих образы коллективной памяти, касающиеся истории России. Специальный блок анкеты был посвящён определению отношения респондентов к ряду периодов в истории России, которые политически, экономически, социально и культурно различаются между собой. В данном блоке респондентам пред-

лагалось по 5-балльной шкале оценить 9 исторических периодов, начиная с XVIII в. и заканчивая новейшей историей. В числе данных периодов правление Петра I, екатерининское время, правление Александра II, большевистская революция, сталинская эпоха, хрущёвская оттепель, брежневский период, перестройка, правление Б.Н. Ельцина. Респондентам необходимо было оценить ту степень, в которой каждый из предложенных периодов потенциально мог бы стать образцом для современной России. Согласно полученным данным, самым популярным и набравшим наивысшие оценки историческим периодом, который «мог бы стать образцом для настоящего», оказался период правления Петра I (в среднем 4,1 балла из 5). Далее идёт екатерининское время – 3,8 балла в среднем, замыкает первую тройку правление Александра II с 3,3 баллами. Несмотря на то, что многие респонденты, комментируя данный вопрос анкеты, указывали на то, что в каждом историческом периоде могут быть позитивные характеристики и особенности, которые могли бы служить образцом для настоящего России, в наименьшей степени к «образцовым» периодам были отнесены правление Б.Н. Ельцина (1,6 балла) и большевистская революция (1,7 балла).

Далее респондентам предлагалось ответить на вопрос о будущем России, о том, хотели бы они видеть Россию такой, какой она была во времена предложенных для оценки (по 5-балльной шкале) следующих исторических периодов: дореволюционное время, после февральской революции, после октябрьской революции, сталинское время, хрущёвская оттепель, брежнев-

ское время, время перестройки, ельцинский период.

Результаты показывают, что ни один из периодов новейшей истории после свержения самодержавия не оценивается респондентами как желательный для страны, а наиболее высокие оценки получило дореволюционное время (3,3 балла). Среди периодов новейшей истории как наиболее приемлемые оцениваются брежневское время (2,7 балла) и хрущёвская оттепель (2,6 балла). К наименее популярным периодам относятся периоды после февральской революции (1,6 балла), а также ельцинский период (1,6 балла).

«Персонифицированная» история России в коллективной памяти наших респондентов изучалась качественным методом свободного воспоминания. Для выявления предпочтений исторических деятелей прошлого респондентам давалась инструкция: «Назовите, пожалуйста, личности в истории России, которыми люди будут гордиться в будущем». Предлагалось записать пять имён в порядке предпочтения. Представители изучаемого поколения на первое место поставили Петра I (26% выборки), затем следуют В.В. Путин (18% респондентов), А.С. Пушкин (10%), М.В. Ломоносов (6%), М.И. Кутузов (8%), Г.К. Жуков (6% выборки) и Ю.А. Гагарин (8% выборки).

Для решения третьей задачи было произведено группирование респондентов согласно выбранным ими периодам истории, которые могли бы стать образцом для настоящего. Были выделены две наиболее многочисленные группы респондентов в соответствии с обозначенными ими предпочтениями тех или иных исторических периодов. Первая и большая по составу группа

респондентов считает, что образцом для настоящего могли бы стать преобразования времён Петра I, а также екатерининское время. Результаты анализа полученных ответов продемонстрировали, что респонденты, которые ставили периоду преобразований Петра I наивысшую оценку, столь же высоко оценивали екатерининское время. Условно определим их как сторонников модернизации в России. Численность данной группы составляет 60 человек. Вторая группа отдаёт предпочтение брежневскому периоду и хрущёвской оттепели, и её численность – 20 человек. Это сторонники консервативной стратегии. Задача этого этапа исследования состояла в выявлении особенностей образов прошлого, настоящего и будущего в каждой из групп. Для этого использовалась методика семантического дифференциала (оценка по 7-ми-балльной шкале).

Респонденты как первой, так и второй групп в оценке прошлого России показали, что представляют его преимущественно как светлое, прекрасное, успешное, осмысленное, своё, насыщенное событиями, а также заслуживающее гордости. Настоящее России респонденты первой группы представляют в среднем как, скорее, неуспешное (3,9 балла), бессмысленное (4,1), бедное событиями, в отличие от респондентов второй группы, которые оценивают настоящее как успешное (4,3), хотя и небогатое событиями. При этом и первая, и вторая группы склоняются к оценке настоящего как светлого и прекрасного времени (соответственно 4,0 и 4,1 балла), проявляя оптимизм, хотя и с критическими нотками. Будущее России для респондентов обеих групп представляется в

наибольшей степени как непредсказуемое (4,7 и 4,3 соответственно). Первая группа (в отличие от второй) считает, что оно в значительной степени зависит от нас (4,3 и 3,4 соответственно).

Значимые различия обнаружилось между группами в данных теста «Социальные аксиомы» [7]. Представители двух групп различаются по выраженности шкал «Религиозность» и «Социальный цинизм». Различия получены при помощи расчёта критерия Манна-Уитни на уровне значимости $p = 0,05$. У группы, предпочитающей эпоху Петра I, значения этих шкал ниже, чем у представителей, импонирующих брежневскому и хрущёвскому периодам. Это свидетельствует о том, что первая группа в меньшей степени, чем вторая, склонна объяснять мир действием сверхъестественных сил и при этом отрицательно относится к разрушительным воздействиям власти и авторитета, являющихся следствием богатства или возраста [7, с. 136].

В целом, как показывают результаты исследования, репрезентация прошлого представителями поколения «Бэби-бумеров» довольно однородна по содержанию. Более половины из них считают образцом для настоящего периоды правления Петра I, Екатерины II и Александра II, т. е. эпохи правления царей-реформаторов. Группа респондентов, дающих подобные оценки, видит будущее России как непредсказуемое и противоречивое. Менее значительная по численности, но всё же составляющая почти 20% респондентов группа иначе оценивает прошлое России и выбирает иные образцы для настоящего. Это хрущёвский и брежневский периоды в новейшей истории России, характеризующиеся относи-

тельно гуманным консерватизмом советского образца. Во второй группе образ будущего выглядит значительно более оптимистичным и исполненным надежд, хотя и непредсказуемым. Кроме того, образ настоящего в этой группе также более позитивен. В ходе изучения чувств, которые возникают у респондентов в силу их принадлежности к гражданам России, выяснилось, что результаты второй группы также имеют ряд отличий. Респонденты, вошедшие во вторую группу, не проявляют равнодушия по отношению к тому, что они являются гражданами России, в то время как в первой группе 18% респондентов указывают, что не испытывают никаких чувств в связи со своим гражданством, а гордость испытывают соответственно 55% и 47%. При этом гордость оказалась самым разделяемым чувством для обеих групп.

На основе результатов проведённого исследования могут быть сделаны следующие выводы.

1. Несмотря на общую невысокую степень удовлетворённости своим материальным благосостоянием и разделяемую всеми респондентами неуверенность в будущем, представители поколения «Бэби-бумеров» остаются людьми с выраженной ориентацией на ценность активной деятельной жизни, с высокой самооценкой, жизнестойкостью и развитым чувством гражданственности, хотя и наполняют её разным смыслом.

2. Наиболее предпочитаемыми историческими периодами, которые «могли бы стать образцом для настоящего», респондентами названы периоды, характеризующиеся реформаторским стилем правления: время Петра I, екатерининское время и прав-

ление Александра II. Та же тенденция подтвердилась в выборе личности в истории России, которой «люди будут гордиться в будущем» – это Пётр I. Советский период в истории страны в целом «проигрывает» в предпочтениях респондентов дореволюционному, но и у него обнаружилось сторонники, выбравшие в качестве «образцовых» брежневское время и хрущёвскую оттепель, т. е. периоды, характеризующиеся гуманно-консервативным стилем управления.

3. Несмотря на значительную однородность социально-психологических характеристик представителей поколения «Бэби-бумеров», были обнаружены различные способы конструирования образов настоящего и будущего у носителей разных репрезентаций истории страны. Группа с предпочтением радикально реформаторского стиля правления видит больше изъянов в актуальной ситуации в стране и более пессимистично представляет себе будущее, она в меньшей степени религиозна, чем вторая, и при этом отрицательно относится к разрушительным действиям власти и авторитета (по результатам теста «Социальные аксиомы»). Группа респондентов, предпочитающая гуманно-консервативный стиль управления, отличается более позитивной оценкой настоящего и строит более оптимистичный сценарий будущего.

Результаты проведённого исследования ставят новые вопросы: каковы социально-психологические механизмы формирования сценариев коллективного будущего на основе значимых для группы событий прошлого? Какое значение в этом плане имеет поколенческая идентификация, сравнение

судьбы своего поколения с судьбой других? Эти вопросы приобретают особую актуальность в связи с процессами укрепления национальной идентичности и формирования позитивных сценариев будущего.

Статья поступила в редакцию 31.07.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Верч Дж. Коллективная память // Междисциплинарные исследования памяти / под ред. А.Л. Журавлева, Н.Н. Корж. М., 2009. С. 33–46.
2. Емельянова Т.П. Социальное представление как инструмент коллективной памяти (на примере воспоминаний о Великой Отечественной войне) // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 4. С. 56–66.
3. Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Образ будущего благосостояния в обыденном сознании россиян // Психологический журнал. 2013. Т. 31. № 5. С. 25–41.
4. Маннгейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 30. С. 7–47.
5. Нестик Т.А. Коллективный образ будущего: социально-психологический анализ // Психологические исследования проблем современного российского общества / под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М., 2013. С. 32–53.
6. Осин Е.Н. Факторная структура краткой версии теста жизнестойкости // Организационная психология. 2013. Т. 3. № 3. С. 42–60.
7. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Исследование социальных аксиом: структура и взаимосвязи с социально-экономическими установками россиян // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 4. С. 135–143.
8. Шамис Е., Антипов А. Теория поколений // Маркетинг. Менеджмент. 2007. № 6. С. 42–46.
9. Шуман Г., Скотт Ж. Коллективная память поколений // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 47–60.
10. Gaskell G. Group differences in memory for a political event // *Collective memory of political events: Social psychological perspectives*. Mahwah, New Jersey, 1997. P. 175–189.
11. Liu J.H., Hilton D.J. How the past weighs on the present: Social representations of history and their role in identity politics // *British Journal of Social Psychology*. 2005. Vol. 44. No. 4. P. 537–556.
12. Paez D. et al. *Mémoire collective et représentations sociales de l'Histoire // Les représentations sociales. Théorie, méthodes, et applications / coord. G. Lo Monaco, S. Delouvée, P. Rateau*. Louvain-la-Neuve: De Boeck Supérieur, 2016. P. 539–552.
13. Wagoner B. Collective remembering as a process of social representation // *The Cambridge Handbook of Social Representations / ed. G. Sammut et al*. Cambridge: CAP, 2015. P. 143–162.

REFERENCES

1. Verch J. [Collective memory]. In: Zhuravleva A.L., Korzh N.N., eds. *Mezhdistsiplinarye issledovaniya pamyati* [Interdisciplinary memory studies]. Moscow, 2009, pp. 33–46.
2. Emel'yanova T.P. Social representation as a tool of collective memory (on the example of memories of the Great Patriotic war). In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2002, vol. 23, no. 4, pp. 56–66.
3. Emel'yanova T.P., Drobysheva T.V. [The image of the future well-being in the everyday consciousness of the Russians]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2013, vol. 31, no. 5, pp. 25–41.

4. Mannheim K. [The problem of generations]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 1998, no. 30, pp. 7–47.
5. Nestik T.A. [The collective vision of the future: socio-psychological analysis]. In: Zhuravleva A.L., Sergienko E.A., eds. *Psikhologicheskie issledovaniya problem sovremennogo rossiiskogo obshchestva* [Psychological research of the problems of modern Russian society]. Moscow, 2013, pp. 32–53.
6. Osin E.N. [Factor structure of the brief version of the test of resilience]. In: *Organizatsionnaya psikhologiya* [Organizational psychology], 2013, vol. 3, no. 3, pp. 42–60.
7. Tatarko A.N., Lebedeva N.M. [The study of social axioms: structure and relationship with the socio-economical attitudes of the Russians]. In: *Psikhologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher school of Economics], 2008, vol. 5, no. 4, pp. 135–143.
8. Shamis E., Antipov A. [The theory of generations]. In: *Marketing. Menedzhment* [Marketing. Management], 2007, no. 6, pp. 42–46.
9. Shuman G., Skott Zh. [The collective memory of generations]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 1992, no. 2, pp. 47–60.
10. Gaskell G. . Group differences in memory for a political event. In: *Collective memory of political events: Social psychological perspectives*. Mahwah, New Jersey, 1997, pp. 175–189.
11. Liu J.H., Hilton D.J. How the past weighs on the present: Social representations of history and their role in identity politics. In: *British Journal of Social Psychology*, 2005, vol. 44, no. 4, pp. 537–556.
12. Paez D. et al. Mémoire collective et représentations sociales de l'Histoire In: Lo Monaco G., Delouvé S., Rateau P., coords. *Les représentations sociales. Théorie, méthodes, et applications*. Louvain-la-Neuve, De Boeck Supérieur, 2016, pp. 539–552.
13. Wagoner B. Collective remembering as a process of social representation. In: Sammut G. et al., eds. *The Cambridge Handbook of Social Representations*. Cambridge, CAP, 2015, pp. 143–162.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 17-06-00854 «Коллективная память как ресурс конструирования образа будущего у представителей разных поколений россиян».

ACKNOWLEDGMENTS

Work is performed under the grant RFBR № 17-06-00854 “Collective memory as a resource for constructing an image of future among members of different generations of Russians».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Емельянова Татьяна Петровна – доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института психологии Российской академии наук;
e-mail: t_emelyanova@inbox.ru

Белых Татьяна Васильевна – кандидат психологических наук, ведущий специалист по профессиональному обучению Технической академии Росатома;
e-mail: pochta806@rambler.ru

Шабанова Виктория Николаевна – магистр психологии, специалист первой категории по профессиональному обучению Технической академии Росатома;
e-mail: reisen_here@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tat'iana P. Emelyanova – Ph.D. in Psychological sciences, professor, Leading Research Associate, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: t_emelyanova@inbox.ru

Tatyana V. Belykh – Ph.D. in Psychological sciences Leading Specialist on professional training, Rosatom Technical Academy (Rosatom Tech.);
e-mail: pochta806@rambler.ru

Victoria N. Shabanova – Master of psychology, 1st category specialist on professional training, Rosatom Technical Academy (Rosatom Tech.);
e-mail: reisen_here@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Емельянова Т.П., Белых Т.В., Шабанова В.Н. Образы прошлого, настоящего и будущего у представителей поколения «бэби-бумеров» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 3. С. 75–85.
DOI: 10.18384/2310-7235-2018-3-75-85

FOR CITATION

Emelyanova T., Belykh T., Shabanova V. Images of the past, present and future of the “baby boomers” generation» In: *Bulletin of Moscow Regional State University. Series: Psychology*, 2018, no. 3, pp. 75–85.
DOI: 10.18384/2310-7235-2018-3-75-85